

ЦЕНТР ПОЛИГРАФ[©]

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Кейтлин Крюс

ИСКУШЕНИЕ
В ОДНОМ ЛИШЬ ВЗГЛЯДЕ

216

Содлазнь

 HARLEQUIN[®]

Соблазн – Harlequin

Кейтлин Крюс

Искушение в одном лишь взгляде

«Центрполиграф»

2016

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)

Крюс К.

Искушение в одном лишь взгляде / К. Крюс — «Центрполиграф»,
2016 — (Соблазн – Harlequin)

ISBN 978-5-227-07459-1

У Дарио Ди Сионе есть повод для гордости – он успешно выполнил поручение деда и раздобыл утраченную семейную реликвию, драгоценные серьги, но все же его душит нестерпимая ярость. Темноволосая красавица, у которой оказалось бесценное сокровище, – его неверная жена Анаис, предавшая его шесть лет назад. Но действительно ли Анаис виновата перед Дарио, или однажды он просто пошел на поводу у своих эмоций? Быть может, еще не поздно все исправить?

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-227-07459-1

© Крюс К., 2016
© Центрполиграф, 2016

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Кейтлин Крюс

Искушение в одном лишь взгляде

The Return of the Di Sione Wife

© 2016 by Harlequin Books S.A.

«Искушение в одном лишь взгляде»

© «Центрполиграф», 2017

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2017

Глава 1

Тропическая зелень гавайского острова Мауи поражала богатством и разнообразием, в точности как обещал рекламный буклет. Дарио Ди Сионе пришел в крайнее раздражение в первую же минуту, когда спустился с трапа собственного реактивного лайнера. Плотный влажный воздух слишком интимно гладил кожу, а Дарио не переносил интимных прикосновений. Линялые джинсы и удобный дорогой пиджак обеспечивали комфорт в прохладном салоне во время долгого перелета из Нью-Йорка, но слишком тесно льнули к телу, пока он шел по бетонным плитам аэродрома к арендованному «ренджроверу». Свежий бриз разносил аромат экзотических цветов острова и терпкий запах сахарного тростника, густые зеленые заросли которого Дарио наблюдал под крылом заходящего на посадку самолета.

Дарио прижал к уху смартфон элитной модели: он доверял только разработкам собственной высокотехнологичной компании. В трубке звучал голос его ассистентки Марии.

– Машина уже ждет? – беспокоилась она. – Я настаивала на спортивной модели повышенной проходимости. Меня предупреждали, что дорога в поместье Фугиनावы довольно ухабистая...

– Справлюсь, – нетерпеливо перебил Дарио с плохо скрытым недовольством. – «Ренджровер» меня вполне устраивает.

Поездка на Гавайи не входила в его планы, особенно после торжественного выпуска на рынок нового глобального продукта в прошлые выходные. Если честно, ему вообще нечего здесь делать, но ассистентка ни при чем. Винить можно только самого себя: он не сумел холодной рассудочностью победить старческую сентиментальность деда. Вместо того чтобы заниматься делами в офисе, из-за каприза старика он оказался на другом конце света среди ленивых пальм и экзотических ароматов.

Марии перешла к длинному перечню звонков и сообщений, накопившемуся за время его отсутствия – первого за последние несколько месяцев, когда он практически жил в нью-йоркском офисе. Это напомнило стрессовую ситуацию шестилетней давности, когда он только начал раскручивать перспективную компанию «АЙС». Дарио поморщился, ощущая нежное дуновение ветерка: ему неприятны ни прошлые воспоминания, ни ласки гавайского бриза, проникающего под тонкое полотно рубашки, как шаловливые пальцы женщины. Закатив глаза от собственных неуместных фантазий, Дарио потер ладонью небритую щеку и взъерошил густые волосы. Пожалуй, сейчас он мало похож на уважаемого директора крупнейшей компьютерной компании – лидера индустрии и мирового рынка электроники.

Какая бесполезная трата времени, думал он, слушая, как Марии зачитывает список звонков и дел, требующих его немедленного личного участия. Ему необходимо вернуться в свой офис на Манхэттене, а вместо этого он совершил десятичасовой перелет, следуя сентиментальному ностальгическому маршруту памяти своего деда. Много лет назад Джованни продал коллекцию любимых безделушек, о чем не переставал сожалеть еще со времен юности Дарио. Теперь девяностовосьмилетний старик, стоя на краю могилы, с обычным для него театральным драматизмом пожелал вернуть их.

«Это память о любви всей моей жизни», – заявил он Дарио, попросив выкупить пару серег у японского миллионера-затворника, живущего на Гавайях. Причем сделать это лично!

Вспоминая об этом, Дарио возмущенно фыркнул. Он бросил на заднее сиденье джипа портфель, за ним и пиджак. Как он мог пойти на поводу у деда? Впрочем, кто бы на его месте отказал старику в предсмертном, как он выразился, желании?

– Отправь мне спецификации по имейлу, Марии, – распорядился Дарио, садясь за руль. Господи, благослови эту женщину! Без сомнения, она надежнее всех, кого он знал, включая капризных и требовательных родственников. Пожалуй, стоит снова повысить ей жалование

хотя бы потому, что она не принадлежит семейному клану Ди Сионе, с которыми у него нет ничего общего, кроме кровной связи. – Подожди, пока я подключу наушники, и начинай переводить на меня звонки.

Не дожидаясь ответа, Дарио закатал рукава, проклиная жару и влажность, включил навигатор и завел двигатель новенького «ренджровера». Надев наушники, он ответил на первый телефонный вызов еще до того, как выехал за территорию аэропорта. Слушая отчет одного из вице-президентов компании о продвижении на рынке новой модели телефона, Дарио думал о своем деде и его рассказах об утраченной любви всей его долгой жизни.

С точки зрения Дарио, любовь теряется неспроста. Прежде всего потому, что она не заслуживает принесенных жертв. Согласно его любимой теории любовь – всего лишь глобальная ложь, придуманная людьми для оправдания собственных драматических и болезненных ошибок. Стоит ли сожалеть об утраченной любви после того, как обнаружилась неприятная правда о ней? Не лучше ли оставить все в прошлом и не позволять иллюзиям портить настоящее? Дарио твердо придерживался своей теории. Однако он не собирался делиться соображениями с Джованни, когда старик предавался бесконечным воспоминаниям о тайной любви, сердечных секретах и прочей ерунде. Однако настал час, когда дед отправил Дарио выполнять идиотскую миссию, которую способен выполнить любой без исключения выпускник колледжа из тех, кто проходил стажировку в его компании. Тем не менее Дарио привычно прикусывал язык, когда речь заходила о глупых эмоциях, которым люди придают такое важное значение, – просто жизни не представляют без душевных мук.

Дарио знал, что спорить на эту тему бесполезно, и не помышлял ссориться со стариком, много лет назад взявшимся опекать его с братом – своих внуков, осиротевших после гибели родителей. Кроме того, на собственном опыте Дарио убедился, что большинство людей считают его мнение циничным и на этом основании с негодованием отвергают, а к нему испытывают откровенную жалость.

Впрочем, это перестало беспокоить его уже давно – шесть лет назад, если быть точным. С тех пор Дарио все стало до такой степени безразлично, что он предпочел без спора согласиться на абсурдный поступок и выполнить просьбу деда: не доверяя миссию курьеру, пересечь половину земного шара, чтобы лично выкупить пару серег, связанных с трогательными воспоминаниями. У Дарио возникли смутные подозрения, что Джованни отправил всех своих внуков в разные стороны света на поиски сокровищ, которые любовно называл «потерянные любовницы». В последние месяцы перед выпуском на рынок нового продукта Дарио был слишком занят и пропустил разыгранный девяностосемилетним стариком очередной раунд мелодрамы семьи Ди Сионе. Дарио не забыл, что впервые сам оказался под прицелом папарацци в возрасте восьми лет, когда его шальные, непредсказуемые родители трагически погибли в случайной автокатастрофе.

В глубине души Дарио был бы счастлив порвать все связи с родственниками. Он надеялся, что со смертью Джованни это случится само собой. Его, наконец, оставят в покое, и он с головой уйдет в работу, составляющую смысл его жизни. Управление компанией «АЙС» – мирового лидера компьютерной индустрии – целиком занимало его время. Дарио гордился, что трудом и настойчивостью без посторонней помощи добился успеха, который никто не посмеет оспорить.

Когда-то единственным искренне любимым членом семьи был его брат-близнец Данте. Но Данте сам безжалостно разрушил их отношения, превратив их в пыль. Дарио не отрицал, что предательство брата нанесло болезненный удар, но послужило ему уроком на будущее: рассчитывать можно лишь на хорошо оплачиваемую преданность. Нельзя доверять людям, если лояльность – их личный выбор. Гнетущая мысль о брате возвращалась при любом упоминании о семье, недаром он старался избегать любых контактов с родственниками. Дарио считал, что, выполнив просьбу деда, как, вероятно, сделали его братья и сестры, он вычеркнет из памяти

события шестилетней давности, а родственники перестанут вести себя так, словно Дарио один в ответе за то, что бросил жену и порвал отношения с Данте. Разве он заставлял Данте спать со своей женой и предать его в самый напряженный период жизни?

Дарио возмущало общее мнение семьи, считавшей, что у него серьезные проблемы с головой, если он до сих пор не простил измену ни брату, ни жене. Хорошо еще, что ему удалось вовремя разоблачить их: они оба обманывали его, убеждая во взаимной неприязни в то время, когда Дарио был слишком занят реорганизацией основанной вместе с братом компании и ее слиянием с «АЙС». Все неурядицы, стресс, бессонные ночи усугубились открытием, что близкие люди интриговали за его спиной. В эту минуту здесь, на Гавайях, Дарио понял свою главную ошибку – он слишком много внимания уделял мнению семьи Ди Сионе. Пора положить этому конец.

– С меня довольно, – хрипло бормотал он в замкнутом пространстве «ренджровера», в паузе между телефонными звонками. – Вот доставлю старику проклятые серьги и закрою эту страницу.

Он проехал через деловой центр города, следуя бесстрастным указаниям навигатора, миновал коробки супермаркетов и сетевых ресторанов, свернул на дорогу к центру острова. Шоссе петляло сквозь густые заросли сахарного тростника, поднимаясь в гору. Дарио вынужден был признать, что с высоты холма открывался великолепный вид: Тихий океан сверкал в лучах жаркого солнца, далеко внизу зеленью и золотом поблескивал соседний остров, по гребню древних вулканических гор выстроились ветряные мельницы, а вдоль дороги на ветерке покачивали кронами пальмы, экзотические цветы поражали невероятными расцветками.

Дарио не признавал отпусков, но если бы ему пришлось отправиться на отдых, он выбрал бы другое место. Он не мог представить себя валяющимся в шезлонге у бассейна, на пляже или где-то еще. Дарио вспомнил, что последний раз «расслаблялся» в компании одного из гениев-миллионеров Силиконовой долины, увлекающегося экстремальными видами спорта. Они совершили затяжной прыжок с парашютом вдоль отвесных скал ущелья Колорадо над бурлящими порогами реки. Но это вряд ли можно назвать отдыхом.

Сколько Дарио себя помнил, он всегда трудился. Возможно, если бы шесть лет назад он не был заиклен на работе, то заметил бы приближение опасности. От него не укрылось бы лицемерие жены и брата. А он лишь наивно полагал, что они не способны на предательство. Дарио нетерпеливо тряхнул головой, отгоняя мрачные воспоминания.

Шоссе вилось по кромке утесов над океаном и вдруг перешло в грунтовую дорогу. Дарио сбавил скорость. Связь прервалась прямо в середине разговора с одним из инженеров. Дарио тяжело вздохнул: навигатор указывал, что до цели путешествия еще далеко.

Трудно понять причину, почему человек выбирает уединенную жизнь в стороне от мира. Дарио знал, что нынешний владелец дедушкиных ювелирных украшений довольно богат, успешен в бизнесе, но отличается эксцентричным нравом. Впрочем, капризы хороши в меру, и современная дорога к жилью никогда не помешает.

Дарио любил Нью-Йорк. Ему нравился город, в котором жизнь никогда не затихает, и в четыре утра на улицах так же оживленно, как в полдень. В толпе легко затеряться, но его мгновенно узнают в любимом ресторане. Как можно жить в полной изоляции, даже если тебя окружает такая красота? В чем смысл? Тишина и одиночество оставляют слишком много места для сентиментальных размышлений.

Настоящее удовлетворение Дарио приносила только удачная сделка, увеличивающая стоимость его делового портфеля, что удавалось ему лучше всего.

Он проехал маленькую бакалейную лавку, единственный признак цивилизации на мили вокруг, и по гравию продолжил путь вниз к подножию горы. Слева от дороги тянулась древняя каменная стена, за которой круто по склону поднимались зеленые пастбища, а справа заросшие сорняками поля сменялись скалистыми утесами. Дарио казалось, он попал на другую планету.

– Только ради тебя, дед, – бормотал он, пообещав себе, что делает последнюю уступку досаждавшей ему семье.

Лишившись спутниковой связи, Дарио остался наедине с тяжелыми мыслями, которых старательно избегал последние шесть лет. Он выключил кондиционер и открыл окно, впустив в кабину волшебный бриз, полный солнца и аромата незнакомых цветов. Свежий ветерок порхал над ним, нежно лаская и проникая под кожу. Удивляясь своим фантазиям, Дарио нахмурился и сосредоточился на ухабистой дороге, разглядывая непритязательный сельский ландшафт. Невозможно поверить, что путешественники всего мира стремятся попасть на Гавайи. Впрочем, в этой части острова не было ни фешенебельных отелей, ни знаменитых полей для гольфа. Дарио окружала дикая природа – горы и пустынные пляжи, усыпанные вулканической галькой. На голой вершине показалась маленькая белая часовня, гордо стоящая на границе земли и моря, и скрылась из глаз. Дарио продолжал путь по узкой дороге, снова поднимавшейся в гору и петлявшей между черных скал.

Когда его терпение было на исходе, он уперся в железную ограду, за которой простиралась усадьба Фугинавы. Переговорив с невидимым охранником по интеркому, он въехал в открывшиеся ворота. Грунтовая подъездная аллея выглядела более ухоженной, чем так называемое шоссе. Она лениво извивалась вдоль скал над морем и наконец привела к широкой живописной поляне позади длинного внушительного здания, из окон которого открывался захватывающий вид на простирившийся до самого горизонта океан.

Выпрыгнув из «ренджровера», Дарио расправил плечи и глубоко вздохнул, чувствуя легкое головокружение от избытка солнечного света и свежего воздуха. Окутавшая вершину горы туманная дымка струилась над ним прозрачной голубой лентой, усиливая нетерпеливое ожидание, которое ему с трудом удавалось скрывать. Он не собирался поддаваться сентиментальным эмоциям, пускай даже теплые лучи приятно ласкали лицо после запарки последних дней в офисе и долгого перелета. Дарио посмотрел на часы – приближался полдень, когда его секретарь назначила встречу с представителем Фугинавы. Как только он получит злосчастные серьги для деда, немедленно вернется в аэропорт и вылетит в Нью-Йорк, чтобы завтра же снова приступить к работе. Ничто не заставит его задержаться в этой глуши дольше, чем необходимо.

Пригладив пальцами волосы, Дарио направился к украшенной азиатским орнаментом парадной двери: шаги отчетливо звучали в удивительной тишине. Створки двери бесшумно распахнулись. Улыбчивый слуга жестом предложил следовать за ним и провел Дарио через элегантно обставленный дом с высокими потолками и медленно вращающимися вентиляторами. На стенах висели легко узнаваемые картины знаменитых художников. Интерьеры плавно перетекали в открытые пространства, наполняя помещения светом и природными ароматами. Дарио находил это... легкомысленным и даже тревожным, принимая во внимание бесценные полотна. Впрочем, его это не касалось. Ведь это не его картины подвергались риску. Он лишь терял здесь драгоценное время.

Слуга предложил ему присесть в кресло под сенью цветущей лианы на открытой веранде с завораживающим видом на Тихий океан. В царившей тишине Дарио казалось, что он слышит шум волн, разбивающихся внизу о черные утесы, хотя вряд ли звук мог проникать на такое расстояние. Он решительно засунул руки в карманы. Уж если ему довелось оказаться в дальней точке края света, приходилось признать, что красота этого места почти стоила того.

Почти.

Услышав за спиной шаги, Дарио обернулся, торопясь перейти к сделке, ради которой совершил это безумное путешествие, и быстро завершить ее, чтобы как можно скорее вернуться в Нью-Йорк. Ему наплевать, что над ним возвышается вершина спящего кратера. Он слишком занятой человек, чтобы наслаждаться фантастическими видами...

Дарио застыл.

На мгновение ему показалось, что у него галлюцинации.

Это не могла быть она.

Черные как вороново крыло волосы прямыми прядями падали на плечи – гладкие и блестящие, какими он их помнил. Гибкое, безупречное тело легко угадывалось под длинным черным платьем, столь вызывающим в тропическом климате. Оно спадало вдоль длинных-длинных ног до самого пола. А лицо! Тонкий овал с большими черными глазами, слегка приподнятыми в уголках, точеные скулы. Ее пухлые губы до сих пор необъяснимым образом приводили его в трепет – об этом напонила непроизвольная и непростительная реакция тела.

Дарио не сводил с нее глаз. Взрослый мужчина, наделенный богатством и властью, он стоял и смотрел, словно видел перед собой призрак, навеянный мистическим гавайским ветром. Словно, как экзотическая бабочка, она могла упорхнуть в любой момент.

Но она не улетела.

– Привет, Дар, – сказала она со спокойной сдержанностью, которая так бесила его. Она произнесла ласкательное имя, которым только ей было позволено называть его.

Только Анапе. Его жене.

Неверной жене, подлой предательнице, которую он не желал видеть до конца своих дней. Он так и не развелся – ему нравилось думать, что крепче, чем кандалами, она навсегда привязана к человеку, которого обманула шесть лет назад. Он затянул петлю на ее нежной, стройной шее.

Теперь, когда она стояла перед ним, как призрак из прошлого, эта мысль уже не казалась Дарио такой привлекательной. Более того, он понял, что совершил непростительную ошибку.

Шесть лет Анаис Киоко с ужасом ждала этой минуты – боялась и мечтала о ней с одинаковой болью, но все равно оказалась неготовой к встрече с ним, с ее Дарио.

Он всегда являлся неожиданно, заставал врасплох. Ни обычным зимним вечером, когда она впервые увидела его, ни потом, когда они были женаты и он ворвался в дом, обвинив ее в самом худшем предательстве, а потом исчез, ни сейчас...

Анаис думала, что сможет контролировать ситуацию, не позволит снова парализовать ее волю, но сначала ей надо прийти в себя после шока от встречи... Если хватит сил.

– Какого черта ты здесь делаешь? – прорычал Дарио.

Тот самый голос – низкий и глубокий – затронул тайные струны ее души. Анаис всегда ждала его, хотя испытывала сомнения, что встреча когда-нибудь состоится и он придет после того, как бросил ее и столько лет хранил жестокое, упорное молчание. Тем не менее спустя столько лет он явился собственной персоной.

Дарио стоял на веранде дома Фугинавы, за его спиной перекачивались зеленые холмы острова и сверкал безбрежный океан – это походило на полет фантазии. Время не изменило его, не согнуло, не обезобразило в наказание за содеянное, как бывает в детских сказках. Черствое сердце и беспочвенная подозрительность не изуродовали мужественную внешность, как он того заслуживал.

К несчастью, Дарио Ди Сионе оставался самым красивым мужчиной, виденным ею в жизни. Он излучал мужскую силу и естественное обаяние, которое менее харизматичные мужчины часто пытаются компенсировать запахом туалетной воды или лосьона. На нем были обычные джинсы, выглядевшие как офисная одежда, что удается только очень стильным и богатым мужчинам, а рубашка из тончайшего полотна эротично льнула к широкой груди. Закатанные рукава обнажали золотистую кожу и выпуклые мускулы сильных рук. Анаис знала, что глаза за стеклами авиаторских очков могут поспорить синевой с безоблачным небом Гавайев, особенно по контрасту с чуть длинноватыми черными волосами и темным налетом щетины на резких небритых скулах.

Черт побери, почему вопреки здравому смыслу, она по-прежнему так остро реагирует на него?

– Я задал вопрос.

Анаис моргнула, сглатывая оцепенение в напрасной надежде, что он не заметил ее замешательства. Пальцы непроизвольно впились в кожаную папку с документами. Она не сможет обмануть прежде всего себя.

– Надеюсь, ты без особого труда добрался сюда, – произнесла она спокойно, как на обычной деловой встрече, которые часто проводила по поручению мистера Фугинавы, будучи его адвокатом и главной линией защиты, – он предпочитал общаться с внешним миром через нее. – Дорога сюда весьма сложная.

Дарио не шелохнулся, однако ей показалось, что он протянул руку и зажал ее шею в кулак. Анаис поняла, что непроизвольно задержала дыхание, но все-таки заставила себя вдохнуть. Он снял темные очки и пронзил ее разъяренным синим взглядом.

– Вот как, Анаис, – прошипел он со злой насмешкой. – Решила затеять прежнюю игру?

Ему не удалось смутить ее: за прошедшие годы она изменилась, стала сильнее, не так ли? Анаис не отвела взгляд.

– Продолжим разговор, который мы не закончили шесть лет назад, Дар? Ты действительно этого хочешь? Или ты, как тогда, откажешься выслушать меня?

– Разве был разговор? – В его голосе звучали стальные ноты, говорившие о внутреннем напряжении, отчего у Анаис тоже все сжалось внутри. – Я подобрал бы более грубое слово для сцены, которую застал.

– Можешь винить только свое грязное воображение, – возразила она, стараясь сохранить сдержанный, профессиональный тон. – Все это не имеет ко мне никакого отношения.

Дарио засмеялся. Однако не тем веселым смехом, который она слышала в их первую встречу в Колумбийском университете: она училась на третьем курсе юридического факультета, а Дарио заканчивал магистратуру. Тогда в его голосе звучала искренняя радость и жизненная сила. Сейчас все было иначе. Совсем по-другому.

– Мне неинтересно, поэтому можешь не продолжать, – сказал он, зло сжав челюсти. – Я приехал сюда за парой сережек, а не для того, чтобы ворошить прошлое или играть с тобой в затейливые игры. Давай перейдем к делу, Анаис. Или это подстава, и ты нарочно заманила меня в капкан?

Только чудом ей удалось сохранить невозмутимость. Судя по воинственной позе и яростному блеску глаз, он искренне не понимал, что происходит.

– Ты же знал, что встретишься со мной. – Анаис не была уверена, что голос звучал по-прежнему спокойно. – Мы переписывались по имейлу несколько недель.

– С тобой переписывалась моя секретарша, – поправил он, нетерпеливо потряхнув головой. – Мне хватает действительно важных дел. И, пожалуйста, не лести себе. Если бы я знал, что ты здесь, моей ноги не было бы на этом острове.

Анаис хорошо помнила этот ледяной тон, которым он произнес жестокий приговор в тот чудовищный, последний день их супружеской жизни, после чего ушел, не оборачиваясь. Словно время остановилось. Ничего не изменилось. Дарио по-прежнему считал ее лживой распутницей. Она не могла поверить, что он так легко и быстро сделал вывод на основании единственного невинного эпизода – ее разговора с Данте, имевшего простое объяснение. Дарио не задержался ни на секунду, чтобы выслушать или даже... крикнуть на нее. Он исчез.

Все это означало только одно: ожидание сегодняшней встречи обернулось наивными фантазиями, которые она трепетно лелеяла до сих пор. Она тешила себя надеждой, что его чудовищное предательство отрезвило ее, и даже поверила, что Дарио тоже сожалеет об импульсивном поступке – возможно, он умерил гордыню и наконец спокойно разобрался в случившемся. Анаис ужаснулась не только беспочвенности надежд, но своей слабости, зависимости, смирению после пережитого унижения.

Однако больше, чем оскорбленные чувства и разбитое сердце, Анаис волновало другое: он все еще ничего не знал о Дамиане.

Дарио прилетел на крошечный гавайский остров за парой серег, а не из-за нее. И тем более не ради их сына.

Глава 2

Вкрадчивый, насмешливый голос Дарио вернул ее к реальности, причинив боль, как удар хлыста.

– Ты что, впала в кому? Или тебя все-таки мучают угрызения совести?

До сих пор Анаис не представляла, как много надежд возлагала на сегодняшний визит. После многих лет молчания, за те несколько недель, что шли предварительные переговоры, она поверила в благополучный исход. Дарио жестоко разрушил иллюзии. Она должна была предвидеть такой поворот событий и быть к нему готовой.

– Раскаяние? – повторила она, проходя на веранду и кладя кожаную папку с документами на стол. Удивительно, что ноги все еще надежно держали ее, а не сгибались, как пальмы под свежим ветром. Усилием воли Анаис заставила себя успокоиться. – За что именно? Разве шесть лет назад не кто иной, как ты, устроил истерику? Я испытываю много эмоций по этому поводу, но только не раскаяние.

Дарио скривил губы в циничной усмешке, заставив Анаис поежиться. Она никогда не видела его таким озлобленным. Он не заслуживал жалости, но ей стало больно за него.

– Должен признать, ты бессовестна, как всегда, – прошипел он. – Впрочем, зачем меняться? Получила что хотела.

– Конечно. Кто спорит? Ты исчез из моей жизни именно так, как я мечтала, словно прочитал мои мысли.

– Вероятно, совершил большую ошибку. Ты, наверное, рассчитывала, что мы будем жить втроем. Начиталась бульварных газет? Надо было посоветоваться со мной, Анаис. Я бы сказал, что не люблю делиться собственностью ни с кем, включая брата-близнеца.

– Вижу, тебе по-прежнему доставляет изощренное удовольствие унижать и оскорблять меня. Какое трогательное воссоединение! Неудивительно, что оно произошло только через шесть лет.

Даже после того, как он бросил ее шесть лет назад, а потом вел себя так, словно она не существовала – отказывался от любых контактов, не позволял приближаться к его офису или квартире, как опасному шпиону, Анаис все-таки была о нем лучшего мнения, чем он заслуживал, и не переставала надеяться, что он опомнится, очнется от безумия.

Единственным ее оправданием был Дамиан. Ей хотелось, чтобы отец ее сына в душе оказался хорошим человеком – ведь она знала Дарио совершенно другим, когда имела глупость полюбить его. Наверное, этого желает каждая мать не для себя, но для своего ребенка. «И не только ради ребенка», – нашептывал внутренний голос, напоминая о ее слабости.

Жизнь редко исполняет желания. Анаис поняла эту простую истину еще девочкой в Париже, оказавшись заложницей своих родителей. Они не хотели ее так же, как не хотели друг друга, за исключением той единственной ночи, когда зачали ее, – она невольно соединила их. Судьбу не выбирают, как не выбирают жестокого, распутного отца-француза и озлобленную мать-японку, чье имя Анаис взяла, когда ей исполнилось восемнадцать, выбрав из двух зол меньшее. Надо всегда помнить об этом.

Анаис постучала пальцами по кожаной папке на столе.

– Здесь контракт, который ты должен подписать. После этого получишь серьги, как было оговорено.

– Неужели мы вернулись к деловым переговорам, Анапе? – тихо спросил Дарио, но мягкий тон не обманул ее: в голосе слышалась сталь. – Вот уж не ожидал.

Небрежно пожав плечами, Анапе заставила себя улыбнуться.

– Похоже, бизнес – единственное, в чем ты преуспел.

– Зато ты преуспела во многих других вещах, как я могу догадаться. Или мне поинтересоваться у брата? У него всегда была склонность к авантюризму.

Удивительно, как ей удалось сдержать истерический визг. Анаис была сражена несправедливостью и жестокостью человека, который, как она считала, не способен опуститься до уровня ее родителей, всю жизнь безжалостно оскорблявших друг друга. У нее потемнело в глазах. Как она могла выйти за него замуж? Дарио, безусловно, заслуживал хорошего скандала за то, что подло обошелся с ней тогда, и за то, как продолжает унижать сейчас. Только мысль о своем чудесном сыне заставила ее взять себя в руки: она не опустится до истерики.

Анаис твердо встретила его презрительный взгляд.

– Мне нечего стыдиться, – произнесла она холодно и отчетливо. – Я не спала с твоим братом. Если он утверждает обратное, значит, он врет.

– Мне неизвестно, что он говорит по этому поводу, – безапелляционно заявил Дарио. – Я не разговаривал с ним с той минуты, когда застал в твоей спальне. Не говори, что вам не удалось заняться любовью. Надеюсь, это не разбило ваши сердца.

Его слова потрясли Анаис. Она знала, что близнецы Ди Сионе неразлучны. По крайней мере, были неразлучны до тех пор, пока не появилась она.

– То, что ты поверил в связь между мной и Данте, продолжаешь верить в это и, более того, считаешь себя вправе бросать мне в лицо возмутительные оскорбления, говорит о тебе как о низком, подлом человеке.

Ее слова позабавили Дарио.

– Уверен, ты придумала много подобных оправданий, чтобы чувствовать себя комфортно в своем воображаемом мире. Но правду не скроешь, сколько бы лжи ты ни громоздила. Похоже, ты убедила себя в невиновности, но я не верю ни одному твоему слову.

Данте полностью пришел в себя после шока от неожиданной встречи с ней. Анаис узнала его: перед ней стоял тот самый враждебный незнакомец, который, приняв облик обожаемого мужа, ворвался в дом в тот ужасный день. Этот равнодушный и насмешливый человек смотрел и видел в ней такое же ничтожное существо, каким считали ее родители. Он словно дожидался, когда Анаис проявит свою истинную сущность, и через год счастливой супружеской жизни был уверен, что разоблачил ее.

С тех пор Дарио совершил много непростительных ошибок, гораздо более жестоких, но в тот день его первое предательство застало ее врасплох, навсегда изменив ее жизнь. Однако только сейчас Анаис поняла, что не смирилась с этим.

Поджав губы, Дарио потянулся к кожаной папке и достал документы, игнорируя ее, как предмет мебели. Усевшись на стул, он внимательно вчитывался в бумаги, словно выискивал признаки мошенничества.

Анапе подумала, что ей будет тяжело сидеть рядом с ним за столом и делать вид, будто ничего не случилось. Она осталась спокойно стоять в непринужденной позе, глядя на океан, позволяя бризу играть с ее локонами. Анапе мысленно представляла себя в другом месте и даже другим человеком, не обремененным огромной моральной дилеммой.

Она не хотела говорить ему.

Он не заслуживал правды.

Что, если он обратит свой гнев и жестокость против собственного сына?

Анапе отдавала себе отчет, что придумывает отговорки вместо того, чтобы честно взглянуть правде в лицо. Все шесть лет Дарио оскорблял ее чувства, но она не верила, что он причинит боль сыну.

Совершенно ясно, что пути назад не будет, если она не скажет сейчас. До сегодняшнего дня вся вина за то, что Дамиан не знает своего отца, лежала на Дарио. Он принял все меры к тому, чтобы Анапе не могла связаться с ним. Объявление в газете, как посоветовала ее тетя – свидетельница бесконечных страданий и слез Анапе, – ничем не помогло бы ребенку. Сделать

Дарио жертвой желтой прессы? Превратить его жизнь в ад? Никогда! Но она скорее бы умерла, чем обратилась за помощью к лживому и коварному Данте.

Дарио не давал о себе знать с того самого дня в Нью-Йорке. Это не ее вина.

Правильно ли будет промолчать сегодня?

Анапе судорожно сжала кулаки, зная, что это не укроется от Дарио. Впрочем, пусть думает что хочет.

– Мне надо сказать тебе кое-что, – через силу произнесла она, продолжая смотреть на море – прекрасное безмятежное море, в котором тонут ее печали. Однажды оно подарило ей спасение и сделает это снова, если она позволит. Защитит от Дарио.

– Не утруждай себя. Мне неинтересно.

– Придется выслушать. Думаю, тебе необходимо знать. В жизни есть вещи более важные, чем уязвленное самолюбие.

Дарио откинулся на стуле. Его не смутило, что он смотрел на нее снизу вверх. Даже теперь, когда в туфлях на высоком каблуке она возвышалась над ним, он выглядел не менее представительным. Анапе забыла, что в любой ситуации, в любом окружении, не прилагая усилий, он всегда оставался ключевой фигурой.

– Ты ошибаешься. Мне очень повезло, – улыбнулся Дарио. – Иногда я просыпаюсь ночью, стараясь представить, во что превратилась бы моя жизнь, если бы я не застал вас в тот день. Как долго еще вы обманывали бы меня, выставляя дураком, пока я по уши был занят работой? Что, если я вообще не поймал бы вас? Я благодарен за твою глупость, когда ты затащила брата в нашу постель, избавив меня от большего позора.

Анаис удивилась, что способна до сих пор испытывать боль. Она знала, что он думает. Данте тогда промолчал, позволив Дарио поверить в свою версию событий. Дарио не удосужился выслушать ее, свою жену. Он вошел в дом, увидел, как Данте в их спальне застегивает рубашку на голой груди, и немедленно сделал самые худшие выводы. Дарио поверил в измену сразу, без малейших колебаний.

Анаис недоумевала, чем вызвала его недоверие, дав повод так низко думать о себе. Как ни странно, ее мучила вина за то, что какими-то поступками, вероятно, возбудила подозрение. В чем была ее ошибка? Но она твердо знала, что никогда не простит его.

– У меня была слабая надежда, что ты опомнишься, но этого не случилось, правда? – тихо задала она риторический вопрос. – Ты раскрыл свою сущность. Дарио Ди Сионе, за которого я вышла замуж, оказался фальшивым, – заключила она, с грустью поймав себя на том, что вопреки здравому смыслу, продолжала верить в него. Хотела надеяться, что Дарио мог быть другим.

– Думай что хочешь, – сказал Дарио, подписав последнюю страницу и вложив бумаги обратно в папку. – Могу я получить серьги, или есть еще какие-то условия?

– Никаких условий, – заверила его Анаис, ставя свою подпись на документах. Она достала из кармана маленькую коробочку, открыла замочек и пододвинула ему, глядя, как ярко вспыхнули драгоценные камни – великолепные бриллианты и изумруды. – Вот эти серьги. Обрати внимание на величину камней и качество огранки – это уникальные вещи. Господин Фугинава никогда не продал бы их никому, кроме твоего деда. Он просит передать ему свое глубокое уважение.

– Всего лишь безделушки, – небрежно заметил Дарио, захлопнув коробочку и сунув в карман. – Я утратил последние сентиментальные иллюзии шесть лет назад, Анапе. Кому нужны старые серьги? Деду не стоило бы в конце жизни тратить деньги на такие глупости.

Анапе предпочла не замечать грубости. Она собиралась с силами, чтобы сделать свое заявление, потому что это было правильно и касалось не ее, а Дамиана.

– Рада, что ты лишен сентиментальности, – произнесла она ледяным тоном, понимая, что холодная отчужденность – ее единственное оружие. Еще в детстве она придумала способ, поз-

волявший не замечать родителей, ежедневно срывающих на ней злость, – Анапе превращалась в бесчувственный айсберг. Она снова готовилась прибегнуть к испытанному методу. – Боюсь, разговор может получиться достаточно неприятным, если...

– Он уже неприятен, – скривился Дарио.

– То, что я скажу, не исправит ситуацию. – Анапе выдержала враждебный взгляд синих глаз, напоминая себе, что собирается сделать правильную вещь. Она справится, если убьет в себе все чувства, превратится в лед.

Анапе не отвела глаза.

– У тебя есть сын.

Земля пошатнулась под ногами Дарио, словно его пронзила молния. Сердце остановилось, чтобы снова больно ударить в грудную клетку.

– Что ты сказала?

Анаис стояла перед ним с невозмутимым видом, доводя до бешенства ледяным спокойствием.

– У тебя есть сын, – повторила она, не удивившись его реакции. – Правильнее сказать, у нас есть сын. Его зовут Дамиан. Мы его биологические родители.

У Дарио перехватило дыхание.

– Скажи, что ты глупо пошутила.

– Считаешь меня закоренелой обманщицей? – спросила Анаис насмешливым тоном, который он хорошо помнил. – Шутки неуместны, когда я говорю о своем сыне.

Мысли Дарио путались, и он продолжал тупо смотреть на нее. Похоже, она ожидала такой реакции, с горечью думал он, и, без сомнения, была готова к ней, ведь она знала, что увидит его сегодня. Анаис опустила руку в карман длинного летящего платья и что-то достала. Через мгновение на стол перед ним легла слегка помятая фотография.

Дарио не хотел смотреть: ему казалось, что это равноценно признанию... чего-то. Но он не удержался.

На солнечном пляже маленький темноволосый мальчик с глазами матери весело смеялся, протягивая в объектив ладонку с горстью песка. Кроме глаз Анаис, которые Дарио безошибочно узнал, черты лица ребенка словно перекочевали из детских фотографий его самого и Данте. Дарио не хотел верить себе. Такое в его жизни случилось только однажды – шесть лет назад, но то, что происходило сейчас, было в сто раз хуже.

– Как? – хрипло спросил он, не рискуя взглянуть на Анаис. Он боялся, что поднявшийся в душе ураган разорвет его в клочья. Имя урагану было ярость. И направлена она прямо на предавшую его женщину. Как тогда.

– Если немного подумать, то можно догадаться, – сказала она без тени насмешки: слова прозвучали холодно, отчетливо, отстраненно. – Даю подсказку – его не аист принес.

Перед глазами Данте плыл туман. Он вскочил на ноги, отшатнувшись от фотографии, словно она была отравлена. Сжав руками голову, он старался взять себя в руки. Дарио окинул Анаис презрительным взглядом.

– Откуда я знаю, – хрипло спросил он, – что это мой ребенок, а не Данте? Мы идентичны, поэтому тест ДНК ничего не докажет.

Анаис вздрогнула, будто он ударил ее. Темные глаза яростно сверкнули, что испугало Дарио меньше, чем ледяная отстраненность.

– Значит, это останется тайной, – бросила она. – Какая досада. Но мы с Дамианом по-прежнему прекрасно обойдемся без тебя, жалкий осел.

Дарио опомнился, только когда увидел, что Анаис вот-вот скроется в проеме широкой двери. Она взорвала перед ним бомбу, а сама удалялась как ни в чем не бывало.

– Куда это ты собралась, после того как огорошила меня новостью?

Анаис остановилась. По ее напряженной спине Дарио догадался, каких усилий это стоило. Она медленно обернулась. Удивительно, что он обратил внимание на ее бледность и горько сжатые губы: ведь она ему безразлична. Дарио оправдывал себя тем, что должен разобраться с ее ложью.

– Моя жизнь продолжается, – четко выговорила она с невозмутимым спокойствием, пряча кипевшую в душе бурю, – Дарио угадал это по лихорадочному блеску глаз. – Что я, по-твоему, должна делать? Рыдать? Умолять, чтобы ты поверил мне? Я уже пробовала и знаю, что это бесполезно.

– Зачем было тогда затевать разговор? Разве только хотела получить удовольствие, разозлив меня.

Ледяная улыбка ранила его, как осколок стекла.

– Смысл только в том, чтобы снять с себя ответственность за то, что ты, как обиженный ребенок, за все эти годы не удосужился позвонить и узнать о существовании сына. – Она наклонилась вперед, словно невидимая рука удерживала ее от того, чтобы наброситься на него с кулаками, которые, как он заметил, Анаис судорожно сжимала в течение всего разговора. – Спасибо, Дарио. Я получила доказательство, что от тебя нет проку. Более того, ты патологически жесток.

Она отвернулась, собираясь уйти. Дарио не думал ее останавливать. У него не могло быть детей. Он никогда не хотел детей после своего собственного ужасного детства. Тем более он не хотел испытывать судьбу с женщиной, бесстыдно изменившей ему с его собственным братом. Он не верил в реальность происходящего.

Возможно, по этой причине, не отдавая отчета, он рванулся за Анаис, схватил ее за локоть и развернул к себе.

– Не смей уходить.

Он совершил страшную ошибку, дотронувшись до нее, потому что с прикосновения все началось: он потерял голову при первой встрече с Анаис, чего с ним никогда прежде не случилось. Вскоре принял неожиданное решение жениться на ней, пусть даже обманывал себя и других, объясняя это желанием помочь ей получить визу и остаться в Нью-Йорке. А дикая, неконтролируемая ярость, охватившая его, когда он узнал об измене!

Прикосновение. Ее кожа. Безудержная страсть, которая вспыхивала между ними, как стихийный пожар, всегда. Даже сейчас.

– Немедленно отпусти меня! – крикнула Анаис. – Сию секунду!

Сдержанность явно изменила ей, с удовлетворением отметил Дарио. Она считала его ничтожеством? Ну уж нет! Ему не хотелось убирать руку, но он заставил себя. Анаис терла кожу, как после ожога: жаркое пламя лизнуло ее с такой же силой, как и его. Сексуальное влечение между ними возникало мгновенно. Проблема заключалась в другом – в честности и верности, вернее, в отсутствии того и другого у Анаис. Ему надо помнить об этом, несмотря на реакцию тела. Он видит ее насквозь.

– Ты прятала от меня сына все эти годы, хочешь сказать? Шесть лет?

– Избавь меня от слезливой мелодрамы, которую ты пытаешься сочинить в голове, – отрезала Анаис. Она гордо подняла голову. На высоких каблуках Анаис была почти вровень с ним. Дарио смотрел на ее соблазнительные губы и удивлялся, что может думать только о них в ту минуту, когда она во всем обвиняла его. Ведь они оба знали, что это ложь.

– Ты не отвечал на мои звонки, вывез вещи из квартиры в мое отсутствие, прекратил всякое общение и предупредил охрану своего офиса, чтобы они вызывали полицию, если я попробую войти. Я знаю это точно, потому что они так и поступили.

Дарио заморозили выступившие на бледных скулах алые пятна – признак крайнего возбуждения. Его тело по-прежнему реагировало на Анаис, как будто шесть лет назад не было

совершенно страшного предательства, и от этого ярость только усилилась, словно он стал соучастником преступления.

Против воли Дарио вспомнил смятение первых дней после того, как застал Анаис и брата вместе. Его разум словно помутился: жестокий удар усугубил стресс от неприятностей на работе. Бессонными ночами, мучаясь и страдая, он просчитывал сотни вариантов, но ни разу не позволил себе выслушать жалкие оправдания жены и брата, не читая, рвал в мелкие клочки их письма и записки. У него было одно утешение – он пережил самую страшную трагедию своей жизни. Отныне ничто не причинит ему боль. Это убеждение легло в основу его новой жизни. У Дарио не было сомнений в своей правоте.

– Ты отправлял обратно имейлы и заблокировал номер в телефоне, – продолжала Анаис. – Я своими глазами видела, как ты разорвал письмо, оставленное в твоей машине. – Она подняла руки, словно готовилась ударить его, но снова бессильно опустила. – Что мне оставалось делать? Как достучаться до тебя? Я пыталась. Но ты предпочел зализывать раны, отгородившись от меня словно каменной стеной. Моей вины тут нет.

Дарио предпочел перейти в наступление.

– Речь идет о ребенке, – произнес он ледяным тоном. – Если бы захотела, нашла бы способ сообщить мне. Признайся, ты снова затеяла какую-то игру.

– Я рассказала сегодня, когда увидела в первый раз после того, как ты бросил меня, – сверкнула глазами Анапе. – При чем тут игры. – Она покачала головой, когда он собирался заговорить. – Не понимаю, почему я стою здесь и позволяю оскорблять себя. Ты мог быть рядом с сыном все эти годы, если бы намеренно не спрятался, но это не моя проблема. Мне ничего от тебя не надо. Просто решила, что ты должен знать, потому что это правильно.

– Анапе...

– Я уйду, – перебила она. – Мне безразлично, что ты будешь делать с этой информацией. Иди, зализывай дальше свои придуманные раны. Делай вид, что по-прежнему ничего не знаешь. Думаю, легко найдешь оправдание уязвленному самолюбию.

Дарио не мог этого вынести. В душе кипела ярость и другое непонятное чувство – темное, страшное, опасное. Анапе смотрела ему в глаза, надеясь разглядеть что-то, но разочарованно отвела взгляд. Она сделала движение, чтобы уйти. Это было выше его сил.

Повинуясь импульсу, не раздумывая, он шагнул к Анаис, скользнул рукой вдоль стройной шеи, положив ладонь на затылок, наклонился и накрыл губами ее рот. Его охватило безумие страсти, как прежде и как всегда, когда он дотрагивался до нее. Ничего не изменилось: губы Анаис были сладкими и нежными. Дарио крепче прижал ее к себе. Поцелуй становился глубже, настойчивее. Анаис ответила ему, как отвечала всегда, сколько он помнил. Их словно охватило пламя – горячее до боли, жадное, грозившее погубить. Дарио понимал, что совершает непоправимую ошибку, но не мог остановиться. Ему казалось, в бушующем огне страсти сгорали жестокие слова, взаимные обвинения, шесть лет одиночества, когда он не трогал женщину и никому не позволял прикасаться к себе. Дарио избегал любых интимных контактов, не хотел видеть никого рядом.

Его ласкал шаловливый бриз, а Дарио, забыв обо всем, целовал горячие, требовательные губы Анаис.

С легким стоном огорчения Анаис вырвалась из его объятий и отступила, коснувшись спиной стены. Она не сводила с него глаз и выглядела по-настоящему потрясенной. Но Дарио не верил в ее искренность: он знал, что она всего лишь играет роль.

Он ненавидел этот остров, лишавший его покоя, ненавидел Анаис с ее ложью и предательством, ненавидел ее губы, вновь разбудившие чувственность. Хуже всего, что Анаис снова заставила его страдать, разрушив эмоциональный барьер, который он с таким трудом воздвиг шесть лет назад. Этого Дарио простить не мог.

– Продолжая тему нашего разговора, – сказал он, не узнавая собственного голоса, – хочу сообщить, что я требую развода. – Он мечтал только об одном – причинить ей боль, выместить свою обиду, слепую ярость и унижительное вожеление, которое не мог побороть. Презрительно ухмыльнувшись, Дарио уточнил, чтобы у Анаис не осталось сомнений: – Развод на основании твоей неверности. Мой брат будет назван в качестве третьей стороны. Это будет занесено в протокол.

Глава 3

Решительный стук в дверь маленького домика Анаис, расположенного недалеко от моря в тихом жилом квартале, куда не заглядывали туристы, раздался в десятом часу вечера.

Широкие стеклянные панели окон позволяли, не вставая с дивана в гостиной, видеть человека, стоявшего на крыльце. Анаис подняла голову от разложенных на кофейном столике деловых бумаг. Силуэт мужчины за дымчатой стеклянной дверью не напоминал никого из родственников или друзей: слишком высокий, мощный... знакомый. Кроме того, в коротком требовательном стуке не было ни намека на дружелюбие.

Она поморщилась, сожалея, что, уложив Дамиана спать пару часов назад, переоделась в уютную домашнюю одежду: брюки для йоги и маленький топ вряд ли служили хорошей защитой от Дарио даже в ее собственном доме, особенно после сегодняшнего поцелуя, который она до сих пор ощущала на губах. Жадный и страстный поцелуй пробудил огонь, погасший, как она надеялась, шесть лет назад, а воображение разыгралось не на шутку: грудь набухла, внизу живота возникла тянущая боль, которую умел разжечь только Дарио.

Анаис неохотно поднялась, бросив взгляд на приоткрытую дверь в спальню Дамиана: она знала, что ребенка не разбудит даже рок-концерт. Она достаточно хорошо знала и Дарио: если ему удалось разузнать ее адрес и он явился в этот час, то не скроется тихо во тьме только потому, что она сразу не открыла. Он постучал снова уже громче. Вздыхнув, Анаис пошла к двери, на ходу приглаживая волосы, собранные на макушке в конский хвост. Как бы ей ни хотелось, она не способна сохранить спокойствие и невозмутимость деловой женщины, которую не может смутить ничего, даже неожиданное вторжение отца ее сына, и которой все равно, как она выглядит. Ей не дается притворство.

Собрав волю в кулак, она распахнула дверь. Дарио стоял на нижней ступени крыльца и в бархате гавайской ночи выглядел еще более суровым и грозным, чем днем в усадьбе Фугиनावы. Он мрачно, без улыбки смотрел на нее, сунув руки глубоко в карманы джинсов, что несколько успокоило Анаис, немного растерявшуюся от его воинственного вида.

Даже в спортивной одежде Дарио сохранял аристократическую статью – в нем безошибочно угадывался успешный бизнесмен. Он в сравнительно молодом возрасте возглавил одну из крупнейших мировых компаний, – это Анаис прочитала в Интернете.

Решительно сложив руки на груди, она стояла на его пути, не приглашая войти в дом. Ее не смущало то, что соседи могли наблюдать происходящее из окон ближайших домов. Более того, это придавало смелости.

«Я – айсберг, – твердила себе Анаис, – у меня ледяное сердце, которое не способен растопить даже его жар».

– Не припоминаю, что приглашала тебя в гости, – спокойно заметила она.

Анаис с удовольствием отправила бы его прямо в ад, если бы могла. Из усадьбы Фугиनावы она мчалась домой по крутым поворотам шоссе с такой скоростью, что машину заносило на поворотах. Она не думала об осторожности.

– Я поступил невежливо? Мне бы не хотелось показаться невоспитанным. – Голос Дарио звучал в темноте ночи так низко и грозно, что кожа Анаис покрылась мурашками: она с трудом удержалась, чтобы предательски не обхватить плечи руками. – Может, объяснишь мне этикет воспитания секретных младенцев и спрятанных детей. Мне он незнаком, в отличие от тебя.

– Чего ты хочешь?

– Ты сказала, что у тебя мой сын. Как ты думаешь, чего я хочу?

– Дамиан спит, как это принято у маленьких детей в столь поздний час. – Анаис махнула рукой. – Уходи.

– Я хочу увидеть его.

Анаис скрипнула зубами. Ей хотелось закричать во весь голос, чтобы к ее дверям бежался весь остров.

– Не тебе решать, Дарио. Ты не можешь разбудить среди ночи ребенка, который никогда тебя не видел, только потому, что тебе захотелось пообщаться с ним.

– Не сомневался, что ты используешь его для шантажа, ведь у тебя нет совести.

– Ему пять лет. Ему нужен отец больше, чем ты можешь представить. Я лишь стараюсь защитить его.

– От меня? – Дарио помрачнел еще больше и в ярости сжал кулаки в карманах. – Что ты имеешь в виду?

Анаис больше не могла сдерживаться, притворяться спокойной, твердой, рациональной. Ей стало безразлично, что подумает Дарио: по правде говоря, он ничего не значил для нее, когда дело касалось Дамиана. А ведь Дарио мог легко сломать психику ребенка и пройти мимо.

– Я знаю, как ты умеешь разбивать сердца. – Анаис не хотела этого говорить – лучше бы она откусила себе язык. Его реакция была предсказуемой.

– Избавь меня от сентиментальной чуши. У меня нет времени на мелодраму, которую ты решила здесь разыграть, Анаис. Я должен увидеть ребенка. – Губы Дарио дрогнули. – Моего сына, как ты утверждаешь.

Может, его сердце оказалось мягче, чем она представляла? Но эта мысль показалась Анаис опасной – однажды она поверила ему, и вот что получилось.

– Послушай меня, – она шагнула вперед через порог, не думая, что окажется совсем близко от него, что их глаза будут на одном уровне. Она помахала пальцем перед носом Дарио, сожалея, что у нее нет чего-нибудь более надежного, кухонного ножа например. – Речь не о тебе. Понимаю, что ты сейчас должен чувствовать. Не испытываю к тебе жалости, но понимаю. Для Дамиана ты чужой. Он никогда в жизни тебя не видел. Ему не пойдет на пользу, если его разбудят от крепкого сна для того, чтобы незнакомый человек мог рассмотреть его. А если это может навредить Домиану, значит, этого не будет. – Она заговорила громче, и гулкое эхо нарушило благодатную тишину ночи. В любом случае Дарио без слов наблюдал за ней, словно оценивая ее слабости и выискивая улики против нее. Она на себе испытала, что Дарио не способен на человеческие чувства, и давно заподозрила правду: глубоко внутри вместо сердца у него был лед – айсберг просто принял человеческий облик.

Некоторое время они стояли молча. Потом Дарио заговорил тихо и спокойно:

– Зачем ты рассказала мне о сыне, если не собираешься подпускать к нему?

Если он мог взять себя в руки, значит, и ей по силам.

– Я не прячу его от тебя. Просто не собираюсь будить, чтобы сию минуту предъявить ребенка. Это разные вещи.

– Ты все специально спланировала, правда? – произнес Дарио с наигранным восхищением, но синие глаза оставались холодными, как ледяные осколки. – Хочешь всадить поглубже нож под ребра. Расчетливая хладнокровная месть за то, что шесть лет назад я отказался участвовать в предательских играх с тобой.

Анапе заставила себя сдержаться, преодолевая душившее ее бешенство от ложного обвинения и несправедливости происходящего. Ей хотелось влить ему пощечину, но внутренний голос шептал, что слишком рискованно дотрагиваться до него – последствия могли быть непредсказуемы. Но главное, ее малыш спал в своей кроватке в нескольких метрах за ее спиной, не догадываясь, что сегодня в его жизни произошли необратимые перемены. Все изменилось, когда Дарио узнал о существовании сына.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.